

Янь Сюнь снова взял слово:

— Ван Шу, ты утверждаешь, что месяц и три дня назад своими глазами видела мою тайную встречу с Лю Юанем. Говоришь, будто видела, как он столкнулся с горничной, несшей суп. Если твои слова — правда, значит, ты намеренно выслеживала Лю Юаня и даже предусмотрительно осведомлялась, не получила ли та служанка взыскания от матушки-императрицы. Раз уж тогда тебе всё это показалось подозрительным, почему же ты ждала до вчерашнего дня, прежде чем донести об этом императорскому брату?

Внезапный вопрос Янь Сюня заставил Ван Шу оторопеть. Заметив, что Янь Юй тоже пристально смотрит на неё, она поспешила оправдаться:

— В то время я хоть и почуяла неладное, но не придавала этому большого значения. Лишь вчера, услышав, что Его Высочеству нездоровится, я вспомнила о том случае. Поскольку я не была уверена, что именно находилось в том флаконе, я лишь передала Наследнику то, что видела своими глазами.

— Вчера, услышав это, я не поверил, что Лю Юань мог быть подкуплен Вторым братом, и уж тем более не верил, что брат захочет моей смерти, — вмешался Янь Юй. — Вчера Лю Юань отпросился и покинул дворец, поэтому я приказал обыскать его покои. И там действительно нашли этот белый флакон.

Янь Юй указал на сосуд, стоявший на столе Чжоу Це, и горько усмехнулся:

— Я велел лекарю проверить содержимое. Оказалось... это и впрямь яд.

Он разочарованно посмотрел на Янь Сюня, затем опустил голову и зашелся в тяжелом кашле. Грудь его порывисто вздымалась.

— Пусть это яд медленного действия и он не лишил бы меня жизни в одно мгновение, но если бы я по неведению принимал его еще месяц-другой, то меня не спасли бы даже небожители.

Вдруг он резко поднялся и, пошатываясь, подошел вплотную к Янь Сюню. Вглядываясь в его тонкие, благородные черты, Янь Юй тихо рассмеялся:

— Второй брат, я никогда не желал тебе зла. За что же ты так со мной? Неужели ты настолько жаждешь занять моё место?

Янь Юй действительно никогда не покушался на жизнь брата, но в детстве часто издевался над ним. Хань Ши, бывший тогда соучеником-сопровождающим Янь Юя, даже вступал из-за этого в драку с Наследником.

Только что Янь Юй вел себя агрессивно и напористо, а теперь вдруг принял позу скорбящего

старшего брата, словно его сердце было разбито предательством. Глядя на этот фарс, Янь Сюнь подавил усмешку и покачал головой:

— Императорский брат, я никогда не замышлял против тебя. Я не встречался с Лю Юанем и уж тем более не приказывал ему травить тебя.

— Хватит оправдываться... — Янь Юй не договорил. Почувствовав сладковатый привкус во рту, он не сдержался — теплая кровь брызнула наружу. Алые капли упали на иссиня-черные одежды Янь Сюня, на губы и подбородок самого Наследника, но большая часть ударила Янь Сюню прямо в лицо.

Янь Сюнь не успел уклониться. В мгновение ока на его левой щеке не осталось чистого места, а справа незапятнанным сохранился лишь небольшой участок скулы. Ощувив тяжесть на веках, он инстинктивно зажмурился. Кровь стекала вниз, смешиваясь с той, что капала со лба, и тонкими ручейками пачкала лицо. Густой железный запах забил дыхание. Даже залитый кровью, он сохранял изысканную красоту — на его лице не появилось ни капли свирепости, напротив, он казался теперь еще более невинным и беззащитным.

Выплюнув эту кровь, Янь Юй лишился последних сил. Когда он начал оседать на пол, Янь Сюнь, не обращая внимания на грязь, подхватил его под руки, помогая удержаться на ногах.

Императрица Чжао, казалось, оцепенела при виде этой сцены. Лишь спустя долгое время она пришла в себя. Но в её жилах текла кровь матери Поднебесной; даже сгорая от тревоги, она не позволяла себе потерять лицо. Неспешно выйдя из-за ширмы, она подошла к сыну.

— Сын мой, что с тобой? — только и спросила она.

Янь Юй находился в полубморочном состоянии. Собрав волю в кулак, он едва узнал свою мать. Тихо прошептав: «Матушка-императрица», он окончательно лишился чувств.

Императрица Чжао повернулась к Сыюй, следовавшей за ней тенью:

— Я забираю Наследника во дворец. Живо вели готовить экипаж.

Сыюй поклонилась и бросилась исполнять приказ. Вскоре карета была готова. Императрица, Янь Юй, Сыюй и двое стражников покинули здание суда. В зале остались лишь четверо: Янь Сюнь, Янь Хуань, Ван Шу и садовник.

Едва Янь Сюнь вытер кровь рукавом, как раздался голос Чжоу Це:

— Четвертый принц, не вы ли вчера следили за Восточным дворцом? И не вы ли подкупили стражу, чтобы проникнуть в тюрьму Дали-сы? Неужели ваша цель была лишь в том, чтобы навестить Второго брата?

Янь Хуань, побледневший от недавнего зрелища, до сих пор не мог унять дрожь — он никогда не видел столько крови. Услышав вопрос Чжоу Це, он украдкой взглянул на Янь Сюня, затем на садовника и лишь спустя долгое время выдавил:

— Я...

— Что «я»? — наседал Чжоу Це.

— Я... — Понимая, что скрываться больше нет смысла, Янь Хуань заговорил: — Вчера я собирался позвать Старшего брата попрактиковаться в стрельбе и увидел, как Ван Шу, служанка Второго брата, входит в Восточный дворец. Чужая неладное, я спрятался за кустами лилий. Позже Старший брат приказал схватить Второго брата. Я не верю, что Второй брат мог так поступить, и боялся, что его оклеветают. Поэтому сегодня утром я пришел в тюрьму. Слежка за Восточным дворцом — дело предосудительное, поэтому я не стал рассказывать об этом брату, а лишь упомянул, что слышал, будто его обвинил кто-то из его же слуг.

Слова Янь Хуаня были чистой правдой, но Чжоу Це они не убедили. Глава Дали-сы решил, что принц намеренно уходит от сути, и всё это больше походило не на заботу, а на попытку согласовать показания.

Сейчас Ван Шу твердо стояла на том, что отравление было делом рук Янь Сюня через Лю Юаня. Сам Лю Юань мертв — мертвые не говорят, к тому же его смерть слишком похожа на самоубийство от осознания вины. А тут еще и подозрительное поведение Янь Хуаня...

Чжоу Це свысока посмотрел на Янь Сюня, гадая: «Неужели этот принц и впрямь решился на убийство ради трона?»

Сам же Янь Сюнь оставался внешне невозмутим. Кровь на его рукавах уже высохла на солнце, застыв на темно-зеленом шелке огромным черным пятном, похожим на жирного паука. Это был единственный след той недавней суматохи, который придавал его облику оттенок истинного бедствия.

Чжоу Це отвел взгляд и уставился на судейский молоток, размышляя о дальнейшем ходе дела. В этот момент в зал вбежал стражник. Склонившись к уху судьи, он прошептал:

— Пришли вести от лекарей. Порошок, найденный в покоях Второго принца, в точности совпадает с ядом из того флакона.